

Глава 11

Интервенция НАТО в косовский кризис. Чья справедливость?

Легитимность войны НАТО против Сербии в марте 1999 года стала предметом широкого обсуждения. Автор предыдущей главы, Карл Кулеманс, утверждает, что в этой военной компании справедливость была на стороне НАТО. Но это не единственно возможный вывод в рамках теории справедливых войн. В настоящей главе представлен иной анализ, который показывает, что, используя ту же теорию справедливых войн, можно прийти к совершенно иным заключениям.

I. Правое Дело?

Моральные аргументы сторонников натовской интервенции в Косово строились в основном вокруг утверждений о “широких и массовых нарушениях прав человека” совершенных сербскими военными и полувоенными формированиями в регионе. Впоследствии мы могли убедиться, что слухи об этих нарушениях были весьма преувеличены. Западные газеты пестрили сообщениями о громадном числе жертв среди гражданского населения, а некоторые даже говорили о риске геноцида в отношении албанского населения Косово. НАТО обосновало применение силы утверждением о необходимости гуманитарной интервенции. Это было сделано без знания реальных размеров предполагаемых нарушений. Нарушения действительно имели место, но их размеры были значительно ниже предполагаемых. Количество массовых захоронений также оказалось значительно меньшим того, что утверждалось до и во время войны.

Для того чтобы оценить уровень нарушений прав человека, имевший место до начала войны, необходимо исходить из природы сербо-албанского конфликта в Косово. Этот уровень, а также число военных преступлений обычно зависит от природы войны и моральной позиции участников конфликта. Гражданские войны вообще и сепаратистские в частности являются наиболее жестокими. Как для косовских албанцев, так и для сербов (как в Косово, так и за его пределами) этот регион является святой отчиной. То обстоятельство, что сербы в Косово в настоящий момент составляют национальное меньшинство, не означает, что эта земля имеет для них меньшую ценность. Косово для сербов это священная земля, колыбель национальной государственности, сравнимая по значению с Иерусалимом для евреев.

По этой причине сербы не могут просто освободить эти земли для косовских албанцев. Это в особенности верно в отношении косовских сербов, которые кроме всего прочего не хотят покидать свою землю и дома. По этой причине сербский народ имеет весомое право, а сербское правительство весомый долг противостоять сепаратизму Освободительной Армии Косово.

Нельзя отрицать, что последствия военных операций, проводимых как косовскими албанцами, так и сербами имели ужасающие последствия для гражданского населения региона. Однако эти последствия не были из ряда вон выходящими по сравнению с другими войнами подобного рода, и, разумеется, они не могут служить оправданием для новой войны с новыми человеческими жертвами. Потери среди гражданского населения в Косово надо рассматривать в контексте гражданской войны ведомой против сербских властей. Применяемая в таких случаях тактика (например, сербам приходилось отвечать на обстрелы направляемые из деревень в густонаселенных районах) также должна быть принята во внимание. Но при этом число жертв не было так велико, как утверждали официальные лица НАТО. Иво Даалдер и Майкл О’Хэнлон, утверждающие легитимность операции НАТО, полагают, что число людей убитых в Косово в 1998 году было равно двум тысячам. Эта цифра включает в себя бойцов ОАК а также гражданских лиц как сербской так и албанской

национальности¹. Сравнивая эти цифры с числом жертв среди гражданского населения в ходе военных операций турков против курдов (которые также отстаивают независимость) или русских против чеченского правительства Джохара Дудаева в 1994-1996², нельзя не прийти к выводу о серьезных пробелах в аргументации НАТО. Можно предположить, что как сербы так и ОАК допускали несправедливость в этой войне, что вызывало правомерную озабоченность международного сообщества. Но степень этой несправедливости была далека от уровня достаточного для оправдания военной интервенции.

Таким образом, война НАТО против Югославии не была правым делом. Ниже, рассматривая принцип пропорциональности, мы сможем убедиться в том, что НАТО принесла куда больше жертв по причине “побочного эффекта” бомбардировок Югославии чем те, что имели место в ходе гражданской войны 1998 года. Согласно Иво Даалдеру и Майклу О’Хэнлону, бомбардировки НАТО унесли жизнь 500 гражданских лиц в течение 78 дней войны, в то время как число убитых сербских военнослужащих равняется примерно 1000. Однако согласно некоторым сербским источникам число убитых гражданских лиц может достигать 5700³. Необходимо также принять во внимание последствия разрушения социальной и медицинской инфраструктуры.

Отрицание правого дела НАТО в этой войне не означает, что сербские власти не совершали тяжелых военных преступлений. Предстоит еще разобраться, до какой степени правительство было причастно к запланированному изгнанию албанского населения и кто именно должен нести ответственность за эти преступления. Сотни тысяч гражданских лиц, изнанных из своих домов, воспринимались западными средствами массовой пропаганды как жертвы “этнических чисток”. Подобная деятельность подлежит суровому осуждению и наказанию. Но она не оправдывает ни чрезмерные преувеличения уровня нарушения прав человека, ни дополнительные жертвы, как последствие военной интервенции НАТО.

II. Законная Власть?

Оценивая моральную ответственность, нельзя забывать о роли западных правительств и, в особенности, США. В дополнение к соображениям правоты дела натовская угроза силой и само применение силы выходят за рамки современного международного права. Устав ООН запрещает прибегать к угрозе силой или самой силе кроме случаев самообороны (включая коллективную самооборону), за исключением специального разрешения Совета Безопасности.

Тем не менее, американская администрация начала угрожать Сербии еще в 1992 г. без всякого на то разрешения. В своем письме Слободану Милошевичу в декабре 1992 г. президент Буш предупреждал, что “... в случае конфликта в Косово по вине Сербии, Соединенные Штаты будут готовы применить военную силу против сербов, как в Косово так и в самой Сербии”. Это, так называемое, рождественское предупреждение, было повторено администрацией Клинтона в 1993 году⁴. Эти угрозы были восприняты албанскими радикалами как очевидный сигнал к эскалации конфликта с последующим обвинением сербов в применении военной силы. Американская политика усилила позиции албанских

---

¹ "Несомненно, что уровень насилия в Косово до 24 марта 1999 г. был умеренным в масштабах гражданских конфликтов и по сравнению с тем, что последовало во время бомбардировок НАТО". *Daalder I. and O'Hanlon M. Winning Ugly. NATO's War to Save Kosovo. Washington : Brookings Institution Press, 2000. P. 12.*

² До сих пор еще точно не установлено, сколько людей было убито в ходе Русско-Чеченской войны, но это число гораздо выше, чем в Косово. Анатолий Левен полагает, что их может быть более 20 тысяч. *Lieven A. Chechnya. Tombstone of Russian Power. New Haven and London: Yale University Press, 1998. P. 108.*

³ *Daalder I. and O'Hanlon M. Winning Ugly. NATO's War to Save Kosovo. Washington : Brookings Institution Press, 2000. P. 240.*

⁴ Там же. P. 9.

сторонников насильственного решения. В то же время она оказалась разрушительной для той части албанского населения Косово, которое выбрало для себя путь ненасильственного сопротивления и стратегию компромисса.

Косовский кризис следует рассматривать как в значительной мере результат интервенционистской доктрины Билла Клинтона⁵. Эта доктрина дала возможность ОАК прибегнуть к помощи НАТО путем демонстрации “зверств сербов”. Так, ОАК сделала все возможное, например, для предотвращения вывода сербских войск из региона – вывода, обусловленного соглашением Милошевича/Холбрука в 1998 году. Это обстоятельство давало возможность ОАК и западным странам обвинить сербские власти в неспособности устранить конфликт.

Члены НАТО и само НАТО утверждали, что они обладали правом несанкционированного применения силы с целью предотвращения массовые нарушения прав человека. Подобные утверждения могут иметь серьезные негативные последствия для развития международного порядка прав человека. Прежде всего, отсутствуют универсальные и объективные критерии нарушения прав человека, которые могли бы быть единодушно приняты всеми государствами и применимы ко всем ситуациям во всех частях света. К тому же, весьма сомнительно, что Соединенные Штаты и НАТО согласятся на то, что другие страны, такие как Россия и Китай, также получают право решающего слова в деликатных вопросах нарушений прав человека. Дискриминация, отказ в правах гражданства и другие нарушения прав человека русскоязычного населения Латвии все еще остаются предметом озабоченности российского правительства. Весьма сомнительно, чтобы западные страны согласились с правом российского военного вмешательства для разрешения этой проблемы. А что надлежит делать китайскому правительству в случае, когда оно сталкивается с фактами серьезных нарушений прав человека в отношении китайского населения в некоторых странах южной и восточной Азии? К счастью, как российское, так и китайское правительства, демонстрируют значительную сдержанность в случае подобных проблем и действуют в рамках международного права. Напротив, союз НАТО провозгласил для себя право вмешательства в Косово, подобного которому он не может признать за другими.

После завершения холодной войны и распада Варшавского блока, НАТО претерпела серьезные изменения. В 1999 году экспансия на Восток привела к включению в союз Венгрии, Польши и Чешской республики, а также созданию значительной программы военного сотрудничества, названного Сотрудничеством во имя мира. Это военное сотрудничество строилось со всеми странами членами Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) – за исключением Таджикистана – и представлялось как дополнение к усилиям ОБСЕ по стабилизации всего Евро-Атлантического региона. Большое число участников и высокая интенсивность сотрудничества позволила генеральному секретарю НАТО Ховьеру Солана сделать заявление в сентябре 1996 года, что Сотрудничество во имя мира является наиболее успешной программой военного сотрудничества в Европейской истории⁶. В декабре 1996 года эта программа была дополнена политическим органом, Евро-атлантическим советом по сотрудничеству, в рамках которого страны участники Сотрудничества во имя мира могли бы обсуждать вопросы создания новой системы безопасности в Европе. Выполняя подобного рода действия, НАТО берет на себя некоторые обязанности традиционно закрепленные за ОБСЕ. Это преобразование НАТО и его соревнование с ОБСЕ создало существенные проблемы для России. В то время как политическое сотрудничество в рамках ОБСЕ основывается на принципе равенства стран участников, это далеко не так в рамках Евро-атлантического совета по сотрудничеству. К

⁵ *Roberts J. Roots of Allied Farce// The American Spectator, 1999, 12. P. 35-38.*

⁶ *Coppieters B. Between Europe and Asia: Security and Identity in Central Asia// Aggestam L and Hyde-Price A (eds). Security and Identity in Europe Exploring the New Agenda. London and New York : Macmillan and St. Martin, 2000. P. 196.*

началу косовской интервенции НАТО и Россия уже имели значительные трудности в поиске общей почвы для сотрудничества. Интервенция еще более затруднила эти поиски.

Во время косовского кризиса союз НАТО предпринял новый важный шаг в изменении Европейской системы безопасности. Оправдывая военные действия НАТО, генеральный секретарь НАТО Ховьер Солана заявил, что НАТО было обязано использовать силу без санкции Совета Безопасности ООН, поскольку этот институт ООН доказал свою неспособность к действиям в сложившейся ситуации. Уже в 1998 году он оправдывал угрозу силой со стороны НАТО ссылаясь на невозможность получения резолюции Совета Безопасности разрешающей применение силы⁷. Это означает, что НАТО начало рассматривать себя не как дополнение к ОБСЕ, но скорее как организацию, призванную заменить Организацию объединенных наций. Другие страны, в особенности Россия и Китай, были весьма озабочены этой эволюцией. Похоже, что НАТО создает новую доктрину международных отношений, в которой она намерена играть ведущую роль, что, скорее всего, сделает мир гораздо менее безопасным. В случае, если подобные односторонние решения в вопросах войны и мира станут нормальной практикой, вопросы прав человека могут служить оправданием для любого типа интервенции со стороны стран имеющих на то военные возможности.

III. Добрые Намерения?

Союз НАТО не является монолитным блоком. Не всего его члены присоединились к военной операции против Сербии с одинаковым энтузиазмом. Хотя, в конце концов, все были вынуждены присоединиться к операции, каждый сделал это в силу своих собственных соображений. Но в числе стран членов НАТО, особо следует выделить намерения США. Именно их позиция стала решающей для начала войны. Нижеследующий список намерений основан на публичных и научных дебатах о войне, в ходе которых, отдельные лица или группы лиц высказывали свои соображения по поводу того, какие именно намерения той или иной стран НАТО могли быть решающими для развязывания войны. Утверждалось, что война была начата с целью:

- 1) навязать сербскому правительству волю блока НАТО;
- 2) ослабить военные силы Сербии;
- 3) завладеть стратегическим положением на Балканах;
- 4) усилить достоверность НАТОвских угроз силой;
- 5) объединить НАТО и усилить возможности стратегического взаимодействия;
- 6) завладеть стратегическими минеральными ресурсами региона;
- 7) испытать новые вооружения и военные ноу-хау в реальном деле;
- 8) утилизировать устаревшие ракеты и системы вооружения до того, как выйдет срок их безопасного хранения;
- 9) обеспечить гуманитарную помощь всем жителям Косово и положить конец ожесточенным этническим конфликтам в регионе.

Среди этих разнообразных намерений только девятое является добрым. Это означает, что только оно имеет непосредственное отношение к официально провозглашенному НАТО правому делу. Некоторые из этих намерений вопиюще immoralны (6, 7 и 8). Если удастся доказать, что именно они сыграли главную роль в решении начать войну, вся военная операция будет заклеена нами как однозначно несправедливая. Остальные намерения (1-5) сами по себе ни моральны, ни immoralны. Их моральный характер зависит от их отношения к провозглашенному правому делу. Они легитимны лишь в той мере, в какой они причастны его реализации. Если это отношение не подтверждается, например, при помощи доказательства, что НАТО не имело реального намерения обеспечить гуманитарную помощь

---

⁷ *Guicherd C. International Law and the War in Kosovo// Survival, 1999, 2. P. 27, а также анализ Карла Кулеманса (Carl Ceulemans) в том же томе.*

или что это намерение не было главным в решении применить силу, тогда и эти намерения должны быть рассмотрены как имморальные или недобрые⁸.

Разумеется, НАТО не устает повторять, что ее главным намерением было обеспечить гуманитарную помощь Косово. Действительно, именно это намерение снискало общественную поддержку в странах НАТО. Но нелегко доказать, что именно это и было главным намерением НАТО. Можно, однако, проследить имело ли НАТО такое намерение в подобных конфликтах и легко доказать, что не имело. НАТО ничего не сделала для спасения сербского населения Краины в Хорватии. Хорватские войска беспрепятственно изгнали все Сербское население, более полумиллиона человек, и дома многих из них были сравнены с землей в 1995 году. Эта этническая чистка была предпринята в нарушение резолюций Совета безопасности. Страны НАТО оказали сильное дипломатическое давление на Хорватию с целью остановить эту политику, но они не предприняли санкций и не оказали мер воздействия подобных тем, что были применены против Сербии. Трудно предположить, что за четыре года НАТО полностью изменило свои моральные стандарты и что в 1999 г. она уже следовала гуманитарной политике, которая полностью отсутствовала ранее. Куда более вероятно, что намерение обеспечить гуманитарную помощь не было главным и являло собой просто прикрытие для более сильных намерений.

Отсутствие сильных гуманитарных устремлений подтверждают также и способ ведения войны и осуществления НАТО послевоенного восстановления. Использование военной силы НАТО вело к широкому и массовому нарушению прав человека. После достижения соглашения с сербским правительством, НАТО так и не смогло разоружить ОАК. НАТО не обеспечило безопасность оставшегося сербского населения. Убийства и изгнания сербов и других меньшинств продолжились и после того как НАТО взяло Косово под свой контроль. Продолжилось также разрушение сербских исторических и культурных памятников. НАТО не проявила более той твердости, которую она всего несколькими месяцами ранее демонстрировало в отношении сербов⁹. Отсюда следует сделать вывод, что намерение обеспечить гуманитарную помощь, если и существовало, было очень слабым и не самым главным в решении начать войну. Бал правили другие, более сильные вышеперечисленные намерения, что и позволяет нам заключить, что принцип добрых намерений был нарушен.

IV. Разумная вероятность успеха?

Переходя к принципу вероятности успеха, некоторые сторонники устремлений НАТО чувствуют себя уверенно. Сербия вряд ли могла составить серьезного противника объединенным силам. Подобный акцент на военном превосходстве НАТО являет собой, однако, образчик слишком узкого подхода. Принцип вероятности успеха требует более широкого понимания успеха, нежели военное превосходство на поле брани. Кроме того, НАТО представила весьма значительный список политических целей, которые она желала достичь военными средствами. В соответствии с основополагающим документом Рамбуйе и его военными дополнениями, главными целями операции НАТО были:

- 1) гарантированное приостановление всех военных действий и немедленное прекращение насилия и репрессий;
- 2) вывод из Косово сербских военных, полицейских и полувоенных формирований;

---

⁸ Эта трактовка принципа Добрых намерений, имели они место или нет, соответствует второму подходу в нашем анализе возможных взглядов изложенных в предыдущей главе о принципе Добрых намерений.

⁹ Иво Даалдер и Майкл О'Хэнлон находят удивительное оправдание убийствам и изгнаниям сербов после победы объединенных сил НАТО и ОАК: косовским албанцам «следует простить некоторую паранойю, даже если их мстительные нападения на сербов нельзя предотвратить». *Daalder I. and O'Hanlon M. Winning Ugly. NATO's War to Save Kosovo.* Washington : Brookings Institution Press, 2000. P. 16.

- 3) размещение в Косово войск НАТО и их свободное перемещение по всей Югославской территории;
- 4) безоговорочное и безопасное возвращение всех беженцев и перемещенных лиц;
- 5) убедительное подтверждение намерения Милошевича работать в рамках основополагающих документов Рамбуйе с целью достижения политического решения;
- 6) начало политического процесса направленного на установление предварительного основного соглашения, обеспечивающего существенное самоуправление для Косово с уважением территориальной целостности Югославии и прав национальных меньшинств всего населения Косово;
- 7) всестороннее рассмотрение возможностей экономического развития и стабильности в Косово.

НАТО не имела никаких шансов победить Сербию в наземной войне, в основном по причинам не военного, но политического характера. Наземная война, с ее многочисленными для обеих сторон жертвами, создала бы сильную оппозицию во многих странах НАТО, включая и США. Это в свою очередь привело бы к обострению противоречий между членами Альянса, отсутствию необходимого консенсуса, окончанию военной операции и поражению НАТО. В результате НАТО решила полагаться исключительно на воздушные силы. Эта стратегия противоречила провозглашенным гуманитарным целям и способствовала этническим чисткам в отношении косовских албанцев сербами во время войны и косовских сербов албанцами после войны. Действуя таким образом, НАТО не могло успешно выполнить провозглашенные гуманитарные цели.

Если подвести итог послевоенных достижений НАТО, с учетом поставленных ею целей, баланс будет отрицательным. Были достигнуты лишь некоторые дипломатические и гуманитарные цели, такие как возвращение косовских албанцев (хотя есть все основания полагать, что это можно было бы еще легче сделать и без применения силы). Другие цели, такие как создание эффективной гражданской администрации или эффективная защита прав меньшинств все еще весьма далеки от реализации.

Присутствие НАТО, даже и под юрисдикцией ООН, не решает проблем региона. Оно рождает иллюзорные надежды албанского населения на независимость. Радикальные сербские националисты строят планы мести, как только будут выведены войска НАТО. Насилие и преступность не останавливаются. С возвращением косовских албанцев, косовские сербы оказались в положении жертвы. О безопасном возвращении 100.000 беженцев не может быть и речи (сербы, цыгане и другие меньшинства). Продолжающиеся этнические чистки этих меньшинств превращают в насмешку как свободные выборы так принцип самоуправления для Косово. Как отмечал в своем письме протеста относительно роли военных сил НАТО в Косово православный епископ Раски и Призрена: “Теперь албанцы угнетают сербов и другие не-албанские общины и совершают те же самые преступления, которые совершались против албанцев во времена режима Милошевича. Но эти преступления совершаются уже в мирное время и в присутствии военных сил НАТО, нередко прямо перед их глазами”¹⁰.

НАТО оказалось неспособно предотвратить эскалацию этнических конфликтов в другие страны. В апреле 2001, президент Македонии Борис Трайковский заявил в своем обращении к Комиссии ООН по правам человека в Женеве, что нестабильность угрожающая его стране являет собой “прямой экспорт из Косово”. Он призвал к “решительному и систематическому” разоружению населения Косово и немедленному наказанию террористов и “вооруженных экстремистов”. Установлено, что столкновения уже привели к появлению 30.000 беженцев¹¹. Не лучше и ситуация в южной Сербии, подвергающейся атакам албанских радикалов. С начала 2000 г., Албанские партизаны используют некоторые части буферной зоны между Косово и Сербией – которая была демилитаризована в конце войны

¹⁰ *Littman M. Kosovo: Law and Diplomacy. London: Center for Policy Studies, 1999. P. 45.*

¹¹ <http://www.un.org/peace/kosovo/news/kosovo2.htm#Anchor27>, 4 May 2001.

– как плацдарм для нападения на силы безопасности в южно-сербском районе долины Прешево.

Существуют несколько типов миротворческих операций. Для оценки шансов успеха операции НАТО в Косово необходимо определить к какому типу миротворческих операций она относится. Некоторые из них имеют весьма малый шанс на успех без поддержки враждующих сторон. К сожалению, в Косово мы имеем именно этот тип миротворческой операции. Чарльз Краутсаммер пишет об этом так: “Логическим завершением любой гуманитарной интервенции является миротворчество. Урок последнего пятидесятилетия гласит, что миротворчество возможно лишь тогда, когда враждующие стороны уже получили сполна и нуждаются только в беспристрастном арбитре для поддержания доверия – Синай являет собой классический пример – но миротворчество при отсутствии этого необходимого условия есть дело бессмысленное”¹². Бессмысленность этой затеи частично проистекает и от того обстоятельства, что размещая миротворческие операции не имея на то недвусмысленного мандата враждующих сторон, мы тем самым рискуем навлечь на себя обвинение в пристрастности и стать мишенью местных сил. Это случилось в Сомали, Нагорном Карабахе и других местах, где пытались навязать мир, теперь это происходит в Косово. Не только российские, но уже и американские военнослужащие стали жертвами насилия со стороны албанских радикалов в Косово. Очевидно, что решение о военной интервенции НАТО было сделано впопыхах, без реалистичных целей и ясной политики умиротворения региона, не имея стратегии выхода.

V. Крайнее Средство?

Принцип крайнего средства требует прибегать к войне лишь в случае, когда все мирные средства решения кризиса оказались исчерпаны. Этот принцип был нарушен НАТО. Возможности переговоров о взаимном компромиссе не были исчерпаны. Тем не менее НАТО заявила, что все переговоры, включая Рамбуйе, провалились до того как было принято решение о начале воздушных атак. В действительности, переговоров собственно и не было. В феврале 1999 года начался первый раунд переговоров в Рамбуйе в рамках контактной группы (США, Британия, Франция, Германия, Италия, и Россия)¹³. 6 февраля конференция должна была обсудить общие принципы решения проблемы включая автономный статус Косово, которые были предложены контактной группой. Но делегациям было предложено только так называемое «Временное соглашение о мире и автономии в Косово и Метохии (Основополагающий документ)» и три дополнения о конституции Косово, выборах местных органов власти и юридической системе. Сербская делегация приняла все условия соглашения, настаивая только на гарантиях территориальной целостности. 23 февраля контактная группа объявила о наличии прогресса в переговорах и о возможности скорого достижения политического решения.

Но окончательный текст соглашения был представлен сторонам лишь в самый последний день переговоров. Как оказалось, две трети его содержания были полной неожиданностью для сербской делегации. Кроме того, два приложения к тексту были составлены вовсе не Контактной группой, но НАТО. Российский представитель отказался подписать эти приложения. В соответствии с этими драконовскими приложениями, войска НАТО должны были быть размещены в Косово безусловно и без указания каких-либо рамок. В соответствии с текстом документа НАТО получала «свободный и неконтролируемый доступ на всю территорию Федеративной Республики Югославия», включая Сербию. Сербская делегация заявила о невозможности обсуждения этих условий. Сербии был

---

¹² *Krauthammer C.* The short, unhappy life of Humanitarian War//The National Interest. Fall 1999. P. 8.

¹³ *Гуськова Е.* Динамика косовского кризиса и политика России// Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тренина и Е. Степановой; Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 1999. С. 57- 66.

предъявлен ультиматум: либо согласие на то, что с полным основанием можно считать оккупацией иностранной военной силой, либо воздушные удары. Тем не менее, Сербия под угрозой согласилась подписать политическую часть соглашения. Она согласилась также и на международное присутствие, природа которого должна была быть оговорена позже. Достигнув этого согласия, Сербия была готова к обсуждению условий и рамок международного военного присутствия в Косово. 15 марта 1999 г. начался второй раунд переговоров в Париже. Предложения сербской делегации были отвергнуты. Албанцам было разрешено подписать соглашение в одиночку. Российская делегация отказалась завизировать это соглашение.

Все эти события возлагают ответственность за срыв переговоров на США и НАТО. Марк Литман делает справедливое заключение, что НАТО не предприняло всех необходимых условий для поиска компромисса. Далее он продолжает «...в критический момент переговоров в Рамбуйе, НАТО свернуло дипломатию, заменив ее пакетом заведомо неприемлемых требований, содержащихся в документе, который др. Киссинджер назвал «ужасным дипломатическим документом», «провокацией» и «оправданием для начала бомбежек». Вполне вероятно, что будь условия, на которые согласились в конце кампании, выдвинуты в Рамбуйе, можно было бы избежать как этнических чисток так и войны»¹⁴.

Литман делает вывод, что условия на которые согласились НАТО и Сербское правительство в конце войны, содержали серьезные уступки по сравнению с первоначальными требованиями НАТО. Это следующие условия:

- 1) размещенные в Косово международные силы должны находиться под юрисдикцией Совета Безопасности Объединенных Наций;
- 2) эти международные силы, помимо НАТО должны включать также и российские войска;
- 3) создаваемая гражданская администрация должна быть подконтрольна Совету Безопасности Организации Объединенных Наций;
- 4) войска не будут иметь доступа в иные части Югославии за исключением Косово¹⁵.

Размер уступок НАТО свидетельствует о нереальном характере первоначальных требований. Действительно, условия, на которых было достигнуто прекращение бомбежек включают серьезные отступления от буквы Рамбуйе, что нельзя назвать иначе как уступкой Сербам. Совет Безопасности Объединенных Наций, вместо НАТО, получил верховную власть в Косово, предоставляя, таким образом, России, дружественной Сербам, возможность вето. В то время как Рамбуйе давало силам НАТО беспрепятственный доступ на всю территорию Югославии, включая Сербию, июньское соглашение предоставляло союзу право распоряжаться лишь в Косово. Имея все это в виду, Майкл Мандельбаум замечает: «Мы никогда не узнаем, можно ли было избежать войны, если бы все эти изменения были предложены перед началом бомбежек и сопровождалось более весомым присутствием ОБСЕ в Косово. Очевидно, что руководители НАТО не собирались идти на уступки, будучи убеждены, что несколько показательных залпов быстро поставят сербов на колени»¹⁶. Это злонамеренное предубеждение проложило дорогу войне. Это означает, что НАТО сознательно отвергло серьезное дипломатическое решение в пользу военной силы.

VI. Соразмерность?

Была ли военная операция соразмерным решением Косовской проблемы? Отвечая на этот вопрос, мы должны попытаться установить, перевешивают ли ожидаемые от операции блага ее возможные негативные последствия. В расчет должно приниматься только

¹⁴ *Littman M. Kosovo: Law and Diplomacy. London: Center for Policy Studies, 1999. P. v.*

¹⁵ Там же. P. 13. Это соглашение еще раз подтвердило принцип территориальной целостности Югославии и намерение сторон разоружить ОАК, которое уже было выражено членами НАТО перед войной.

¹⁶ О Косовской войне как непреднамеренном последствии политических ошибок см.: *Mandelbaum M. A perfect failure// Foreign Affairs, 1999, 5, P. 2-8.*

моральное благо, но не геополитические интересы НАТО или рост ее кредитоспособности. Мы рассмотрим этот вопрос с послевоенной перспективы и в свете новой информации.

В кредит может быть записано то, что благодаря интервенции НАТО, уровень насилия имевший место до марта 1999 года был значительно снижен, албанские беженцы смогли вернуться в свои дома. Но негативной стороной остается то, что, как мы уже говорили, ожесточенные этнические конфликты так и не были остановлены. Более того, конец войны ознаменовал начало новой волны этнических чисток, теперь уже по отношению косовских сербов. Цена войны оказалась ужасной для гражданского населения Сербии и Косово. Множество людей были убиты и ранены, экономике и окружающей среде был нанесен тяжелый ущерб. Интервенция НАТО ослабила систему международной безопасности, основанной на исключительном авторитете Совета безопасности ООН в вопросах вооруженного вмешательства и угрозы вмешательством во внутренние этнические конфликты. Но этот краткий перечень плюсов и минусов нуждается в уточнениях.

Принцип соразмерности принимает во внимание как то, что сделала НАТО, так и то что, сделали сербы, хотя война и была начата НАТО. Что касается сербов, то они в наибольшей степени несут ответственность за действия своих военных и полувоенных формирований по изгнанию косовских албанцев из своих домов. Это нарушения законов войны в рамках принципов *jus in bello*. Но противники военного решения НАТО заранее указывали, что эти преступные действия сербских властей и полувоенных формирований будут неизбежным следствием начала войны. Эта точка зрения была высказана даже генералом Весли Кларком, главнокомандующим сил НАТО в Косово. Он заявил, что сербский террор и насилие будут возрастать с началом воздушной кампании НАТО. Вместе взятые действия сербов и НАТО привели к следующим печальным последствиям:

- 1) гибель, по меньшей мере, 500 гражданских лиц, как прямой результат бомбардировок НАТО¹⁷;
- 2) гибель 10.000 Албанцев, убитых Сербскими военными и полувоенными формированиями и изгнание сотен тысяч Косовских Албанцев;
- 3) гибель 1000 Сербских военнослужащих, убитых НАТО в ходе военных действий¹⁸;
- 4) разрушение значительной части сербской и косовской экономики;
- 5) гибель 300 сербов, убитых в Косово албанцами в первые девять месяцев после войны¹⁹;
- 6) изгнание почти 200.000 косовских сербов и представителей других меньшинств²⁰;
- 7) экологические последствия, уровень которых еще предстоит определить;
- 8) делегитимация Совета Безопасности ООН и создание исторического прецедента для подобных интервенций;
- 9) продолжающаяся нестабильность в регионе;
- 10) превращение Косово в оплот организованной преступности.

Этот список мог бы быть еще более длинным, если принять во внимание косвенные последствия войны. Во-первых, тяжелые разрушения, нанесенные китайскому посольству (американской авиацией) и гибель трех граждан шокировали китайские руководство и общественное мнение. Это привело также к острым противоречиям между членами НАТО. Во-вторых, сама интервенция стала возможной благодаря военному превосходству НАТО над Сербскими силами. Главным косвенным последствием подобной политики стало

---

¹⁷ Согласно отчету Хьюман Райтс Вотч по меньшей мере 500 Югославских граждан погибли в течение 78 дней бомбежек. Согласно этому отчету НАТО нарушило международное гуманитарное право как в определении целей так и в самом бомбометании. Этот отчет был распространен 7 February 2000: <http://www.hrw.org/press/2000/02/nato207.htm> (по состоянию от 5 May 2001).

¹⁸ Daalder I. and O'Hanlon M. *Winning Ugly. NATO's War to Save Kosovo*. Washington : Brookings Institution Press, 2000. P. 154.

¹⁹ Там же. P. 196.

²⁰ Там же. P. 177.

увеличение военных расходов в различных частях мира. Народы почувствовали острую необходимость пополнения своих военных arsenалов. Для бедных стран в особенности это может означать только свертывание инвестиций в социальные службы, снабжение, оборудование и строительство. Третьим косвенным последствием стало (и все еще остается) укрепление сепаратистских движений во всем мире. Укрепили свои позиции радикальные албанские силы, стремящиеся к объединению с Албанией, и в соседней Македонии. Надежды на международное признание независимости Косово вскормили силы сторонников конфронтации с Россией в Чечне. Сепаратистские лидеры Абхазии провозгласили независимость в 1999 году и отказались вести переговоры о федерализме с Грузией. Абхазские лидеры надеялись, что международное признание Косово проложит дорогу и международному признанию их собственной независимости²¹. В-четвертых, подкрепление получили и те силы в правительствах, которые в своем противостоянии сепаратизму привыкли отвергать трудный путь переговоров и компромисса в пользу силового решения. Примером может служить российская политика в Чечне (война против Чечни была начата в сентябре 1999 г., несколькими месяцами после косовской кампании). Другой пример, это политика Грузии в отношении Абхазии. Президент Грузии Эдуард Шеварнадзе неоднократно обращался к поддержке НАТО с целью последовать примеру Косово и таким образом разрешить Абхазский конфликт.

Очевидно, все эти косвенные последствия войны в Косово противоречат интересам Атлантического Альянса. В результате правительства стран НАТО вынуждены были предпринимать последовательные дипломатические усилия с целью объяснить, что их собственный пример не следует воспринимать как универсальную модель для решения сепаратистских конфликтов; и что они считают путь переговоров наиболее приемлемым решением.

VII. Позор победы

Большинство наблюдателей, неважно противники или сторонники интервенции НАТО, сходятся во мнении, что операция НАТО была далеко не идеальной в свете требований справедливости военных действий (*jus in bello*), принципов соразмерности и различия. Один из главных результатов операции состоял в том, что она вряд ли соответствовала провозглашенной гуманитарной природе этой войны.

Нельзя отрицать того, что НАТО старалась придерживаться этих принципов. Список целей тщательно выверялся и ход военных действий находился под контролем, что делалось частично и из прагматических соображений. Альянсу НАТО приходилось принимать во внимание общественное мнение в своих собственных странах и в особенности те его течения, которые противились войне. Во внимание приходилось принимать и критику стран - принципиальных противников войны, таких как Россия и Китай.

Два значительных фактора повлияли не недостаток уважения к этим двум принципам. Прежде всего, отказ сербского руководства подчиниться привел к эскалации бомбовых ударов. Это привело к появлению в списке мишеней «пограничных целей». Бомбы посыпались на нефтеперегонные заводы, топливные склады, мосты и дороги. Эти объекты могут использоваться военными, но они необходимы и для гражданских целей. Эти элементы инфраструктуры имеют пограничный характер в качестве законной цели военного нападения.

Во-вторых, натовская стратегия нулевых потерь вряд ли способствовала торжеству принципа различия. Пилотам приходилось наносить удары с высоты 15.000 футов. Неудивительно, что это вело к множеству ошибок с фатальными последствиями для гражданского населения. 14 апреля в окрестностях Дьяковицы американский пилот Ф-16 по ошибке поразил трактор и тележку, перевозящую группу косовских албанцев, убив 65

---

²¹ Интервью Бруно Коппитерса у президента Абхазии Владислава Ардзинбы в Сухуми от 13 ноября 2000 г.

человек. В другой раз пилот НАТО непреднамеренно выпустил две ракеты в поезд, пересекающий мост в Грделичке Клишуре в Южной Сербии, убив 20 человек.

Некоторые еще более вопиющие примеры связаны с применением кассетных бомб (которые США, согласно Хьюман Райтс Вотч, перестали применять в лишь в мае²²) и оружие с расщепленным ураном. Хотя мы еще не знаем точно какой эффект последнее оружие может иметь на здоровье людей, он может оказаться значительным. Проанализировав экологические последствия применения вооружений с расщепленным ураном в Косово в 1999 году, Экологическая программа ООН рекомендовала 13 марта 2001 года предпринять меры предосторожности в районах подвергшихся ударом этим оружием²³.

Организация Хьюман Райтс Вотч в своем докладе от 7 февраля 2000 года. сделала вывод, что треть всех инцидентов и более чем половина всех смертей произошли в результате преднамеренных атак на незаконные или сомнительные цели. Девять инцидентов были результатом атак на невоенные цели. Они включают в себя котельную станцию и несколько мостов, которые не были важнейшими средствами коммуникации и не использовались в военных целях²⁴.

Большое количество гражданских целей были поражены в результате растущего числа пограничных объектов в списке мишеней, отказа НАТО подвергать риску своих пилотов и сознательного решения увеличить экономическую и социальную цену войны для Сербии. Многочисленные пограничные цели включали в себя шоссе, железные дороги, мосты, электростанции, разнообразные фабрики, табачные фабрики, гражданские котельные, радио и телевизионные вышки, почты, невоенные административные здания, правительственные резиденции, нефтеперегонные заводы, гражданские аэропорты, заправочные станции и химические заводы. Бомбы падали в национальные парки и заповедники. Серьезный ущерб был нанесен многим религиозным и культурным объектам, среди них церкви и монастыри²⁵. Были повреждены насосные станции и водохранилища. Насосы оказались обесточены. В результате 70 процентов двухмиллионного населения Белграда остались без воды, а город получал лишь 10 процентов необходимой воды²⁶.

Некоторые из этих целей были поражены в результате преднамеренного удара (например, радио и телевизионная башня в Белграде), другие были разрушены случайно. Примечательно то, что никакого серьезного расследования для установления, почему и до какой степени преднамеренно подверглись нападению эти гражданские объекты, так и не было предпринято. Но очевидно, что лишить гражданское население воды путем разрушения водоснабжения это хрестоматийный пример нарушения международного гуманитарного права. В соответствии с традицией справедливых войн, одна из главных причин, почему следует всячески избегать войны, заключается в том, что ошибки политических лидеров и военачальников почти всегда имеют драматические негативные последствия для гражданского населения и должны, следовательно, рассматриваться как военные преступления. Значительный ущерб собственности не обусловленный военной необходимостью также должен рассматриваться как преступление. Как полагает Роберт Хэйден, тот факт, что прокурор Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии выдвинул подобные обвинения против лидеров боснийских сербов Радко

²² Отчет Хьюман Райтс Вотч от июня 1999 г. <http://www.hrw.org/reports/1999/nato2/index.htm> (5 Мая 2001) и отчет от 7 февраля 1999, <http://www.hrw.org/press/2000/02/nato207.htm> (5 Мая 2001).

²³ <http://www.un.org/peace/kosovo/news/kosovo2.htm#Anchor27> (5 Мая 2001).

²⁴ Отчет Хьюман Райтс Вотч <http://www.hrw.org/hrw/press/2000/02/nato207.htm> (5 Мая 2001).

²⁵ Гуськова Е. Динамика косовского кризиса и политика России// Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тренина и Е. Степановой; Московский центр Карнеги. – М.: Гендальф, 1999. С. 65-66.

²⁶ Hayden R. Humanitarian Hypocrisy. <http://jurist.law.pitt.edu/hayden.htm>

Младича и Радована Караджича, но отказался сделать это по отношению НАТО, отнюдь не есть свидетельство беспристрастной справедливости²⁷.

Аргументы Иво Даалдера и Майкла О'Хэнлона²⁸ о том, что нарушения принципов различия и соразмерности были малозначительны по отношению целей НАТО, выглядят неубедительно. Как уже было показано выше, при рассмотрении различных принципов справедливой войны (*jus ad bellum*), эта война не имеет гуманитарного оправдания. Этот тезис подтверждается и способом ведения войны. Принципы *jus in bello* также не соблюдались. Если война провозглашается в качестве гуманитарной, она должна использовать средства соответствующие этой цели. Противоречие между ними ярко проявилось в Косово.

VIII. Выводы

Война ухудшила положение Балканских народов. Но что еще более важно, мир вновь оказался на грани нестабильности по причине того, что альянс НАТО попросту отверг нормы международного права встав на путь применения военной силы. Мир с этого момента стал менее безопасным, в особенности для более слабых стран. Система безопасности, основанная на легитимном авторитете Совета Безопасности ООН, дает определенные гарантии некоторым более слабым странам. Долговременные последствия нарушения НАТО международного права грозят уничтожить и эту гарантию.

Наиболее вопиющий характер имеет по всей вероятности нарушение НАТО принципа законной власти в марте 1999 года. Но и другие принципы традиции справедливой войны также не были соблюдены. «Гуманитарная интервенция» в Косово превратила то, что можно считать жестоким подавлением жестокого вооруженного восстания в гуманитарную катастрофу и привела к первым массированным бомбардировкам Европейской страны после Второй Мировой Войны. В то же время НАТО превратила себя из оборонительного союза в первого, со времен советского вторжения с Венгрию в 1956 г. и в Чехословакию в 1968, гордого агрессора в Европе. В этой перспективе, термин «гуманитарная интервенция», употребляемый теми, кто стремится оправдать действия НАТО, представляется неуместным.

---

²⁷ Лидеры боснийских сербов были обвинены прокурором Международного Уголовного Трибунала по Бывшей Югославии (ICTY) в «больших разрушениях собственности»: « что они индивидуально и вместе с другими планировали, осуществляли, приказывали и иным образом способствовали и участвовали в планировании, подготовке или осуществлении большого, преднамеренного и незаконного разрушения собственности, что не может быть оправдано военной необходимостью, или знали, или должны были знать, что их подчиненные разрушают или разрешают другим разрушать (...) собственность, или уже сделали это и не предприняли никаких действий для предотвращения разрушения или наказания виновных ». *Hayden R*, Humanitarian Hypocrisy, помещено в Интернете <http://jurist.law.pitt.edu/hayden.htm> (по состоянию от 5 Мая, 2001).

²⁸ *Daalder I. and O'Hanlon M. Winning Ugly. NATO's War to Save Kosovo. Washington : Brookings Institution Press, 2000. P. 182-227.*